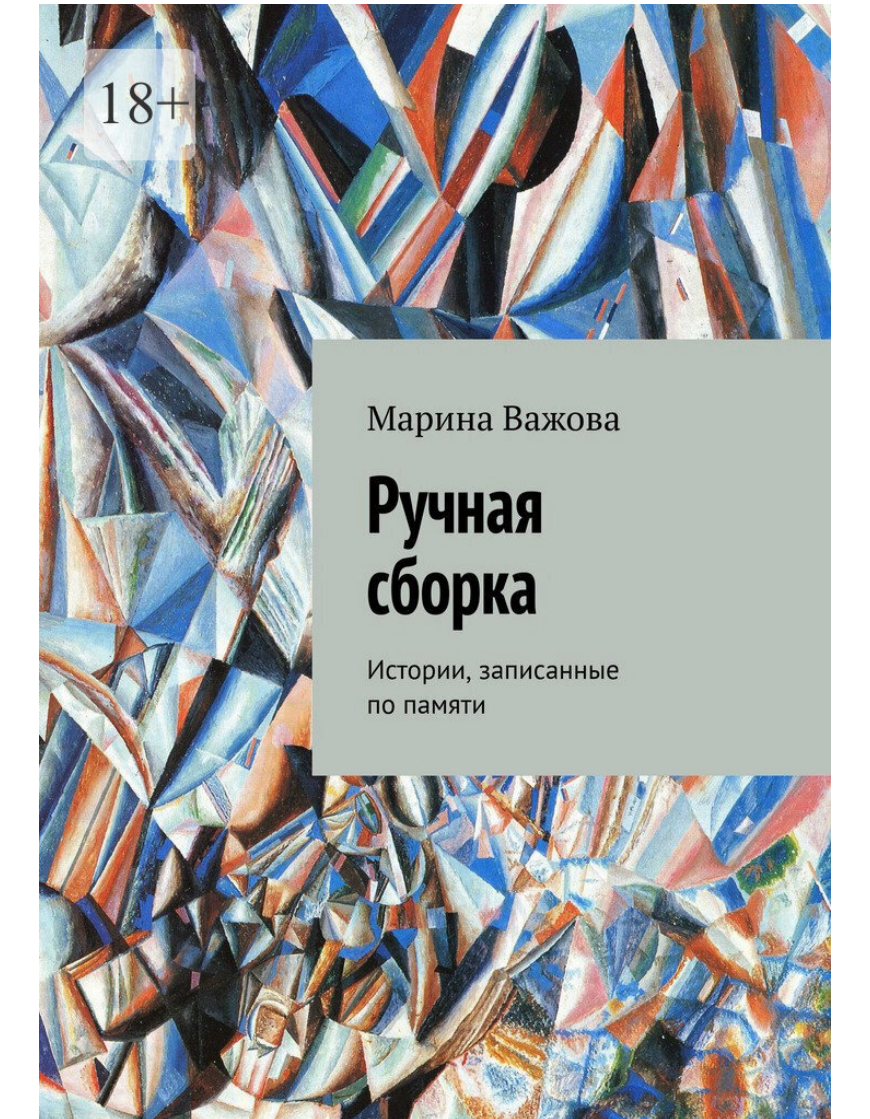

The background of the entire cover is a complex, abstract Cubist painting. It features a dense arrangement of sharp, angular shapes and planes in a variety of colors, including deep blues, vibrant reds, earthy browns, and bright whites. The composition is dynamic and non-representational, typical of the Cubist style.

18+

Марина Вазова

Ручная сборка

Истории, записанные
по памяти

Марина Важова
Ручная сборка. Истории,
записанные по памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73480488
ISBN 9785006940017

Аннотация

Ручная сборка – это синтез мемуарной и художественной прозы. Порядок слов, Вещи как люди, Натурный класс, Там, за облаками – циклы воспоминаний о ленинградском детстве, учёбе в Академии Художеств, выборе и становлении писательского ремесла, о предметах не живых, но говорящих. Рассказы, заключающие каждый цикл, – как переводы с бытового языка на язык искусства, в котором реальность и воображение, наконец, соглашаются на разумный компромисс.

Содержание

Пролог	5
ПОРЯДОК СЛОВ	7
ЛИЦЕДЕЙ	47
1	47
2	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ручная сборка Истории, записанные по памяти

Марина Важова

Редактор Маргарита Сарнова

Корректор Антонина Егорова

Дизайнер обложки Важова Марина

© Марина Важова, 2026

© Важова Марина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-4001-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Когда будущее непредсказуемо и туманно, настоящее – «одни нервы» (как говаривала моя бабушка), самое время заглянуть в прошлое.

В своё прошлое, прошлое семьи, друзей, любимых людей. В прошлое страны и вещей, составляющих декорацию жизни.

В ближнее прошлое – по памяти, в дальнее – на основе фотографий, писем, документов, архивных записей, в беседах с теми, кто помнит, а возможно, и хранит на антресолях старые снимки и документы. Да и по памяти тоже, но тут уж надо дать себе поблажку – детская память недостоверна.

А ещё полистать свои дневниковые записи, а то и просто, зацепившись за какой-то эпизод, тащить из памяти, как неведом, одну историю за другой, удивляясь, как это до сих пор живо, выпукло, какие мелочи вспоминаются, произошедшее ещё свежо, ещё волнует...

И тогда настоящее, ещё недавно отбивающее ритм своими барабанными палочками по всему, что подворачивается под его неумолимую, непоследовательную руку, это *самое настоящее* вдруг преобразится, схватится за муаровую ленту прошлого и откроет ваше сознание для творчества.

Только оно, творчество, способно переработать боль и шлак в бессмертную, благотельную ткань, в надежду

и опору, в целебное средство.

ПОРЯДОК СЛОВ

*Запиши на всякий случай
Телефонный номер Блока:
Шесть – двенадцать – два нуля.
Александр Кушнер.*

Лифт опускается короткими рывками. Вот уже показалась чёрная петля проводов и днище кабины. Прерывистое гудение, скрип расшатанной временем коробки, – всё это вызывает тревогу.

С того момента, как я нажала кнопку вызова, показалось, что подобное когда-то уже со мной происходило. Я уже видела и эту проволочную сетку, и свет внутри кабины. И так же, как тогда, этот свет усилил тревогу – ведь он включается при давлении на пол, а значит, в кабине лежит что-то тяжёлое. Или кто-то.

Но вот, чуть подпрыгнув на мощных пружинах, лифт остановился и приглашающе гудит. Если не открывать дверцу шахты, он постоит десять секунд и может уехать по другому вызову. Но свет – почему горит свет? Может, испортилось реле?

Или всё-таки там, на полу, что-то есть?

Гудение резко прекратилось, и в наступившей тишине я повернула ручку двери. В кабине пусто. Вхожу, внутренние с окошечками дверцы, покачавшись, захлопываются, и я давл­ю на кнопку со стёршейся от времени цифрой «5».

Лифт вздрагивает, отъезжая, и в треснувшем зеркале на мгновение появляется очень бледное лицо мужчины, ас­симетричное, почти уродливое. Лампа в потолке тут же гас­нет, и лишь отсветы с площадок, мерно отсчитывая этажи, выхватывают детали кабины.

Страх мешает обернуться, закричать, нажать на аварий­ную кнопку. Сердце уже колотится под горлом, дыхание ис­чезло, его нет совсем. Что-то распором стоит в груди, как за­слонка печки, закрытая раньше времени. И в памяти отчёт­ливо всплывает: это накапливается угарный газ... он превра­щает кровь в пену. Я уже чувствую эту пену в крови, из по­следних сил тяну на себя дверцы и... просыпаюсь.

Сон, опять этот сон, преследующий годами! Давненько он не появлялся в репертуаре моего ночного кинотеатра...

Продолжаю лежать на правом боку. Сердце колотится, видимо, скакнуло давление. Зажигаю лампу, чтобы гля­нуть в круглое лицо висящих над дверью часов. Могла бы и не смотреть: обычная побудка в три часа ночи. Теперь только читать, пока книга не стукнет по носу. Сименона или Марселя Пруста, что-то совсем далёкое от моей жизни.

Но сначала – таблетку под язык.

За окном – полная луна и полный штиль. Стих сумасшедший ветер, который нанёс в сад сухие листья, разукрасившие белые сугробы пятнистым ботаническим рисунком. Полнолуние – вот причина бессонницы. Одна из причин. Есть и другие: магнитные бури, разговоры по телефону на волнительные темы, поздний ужин...

Основная причина, конечно, возраст. Все перечисленные факторы не новы, но по молодости я засыпала, лишь только голова прикасалась к подушке. А теперь – старая барыня: то мне не так, другое мешает...

До шести утра я читала, пока книга не выпала из рук. Засыпая, слышала, как ветер с напористой мощью обрушился на крыши, как поднялась метель. И, убаюканная этой метелью, улетевшая вместе с ней под небеса, уже сверху наблюдала, как под калитку наматывает здоровенный сугроб, надёжнее любых запоров преграждающий мне выход к людям.

Рукопись движется медленно. Если честно – стоит на месте. И хотя тема утверждена, план согласован, Олег проговорился: «Будут резать, придётся дописывать и переписывать. Без этого не бывает, сама понимаешь».

Они полагают, что я на всё соглашусь, лишь бы у них засветиться. Режьте меня, ешьте, только издайте! Всё не так. Двадцать лет я писала в стол и уже привыкла к этому. Меня

вполне устраивает самиздат с его ограниченным тиражом. Даже появился круг читателей-почитателей, что-то продается на Литрес, Амазоне. Бывают автограф-сессии на творческих встречах в библиотеках. А подслушанная фраза: дайте ещё что-нибудь этого автора... Чем не признание?

Прошли те времена, когда я билась во все двери, слала рукописи в АСТ, ЭКСМО, отправляла заявки на литературные конкурсы – всё как в бездну. Там своя тусовка. Всем заправляют владельцы издательских холдингов, скупившие редакции, книжные магазины, типографии. Участники играют по жёстким правилам, и чужих туда не пустят. Для видимости на сайтах включён самотёк рукописей, за которым никто не следит и ничего не читает. «Delete» в конце недели – и всё.

Нужных писателей отлавливают через конкурсы и личные связи. Одних берут за тему и стилистику, но подрезают крылья, превращая в машины для создания текстов. Другим дают карт-бланш – в зависимости от их популярности и близости к хозяевам, а, главное, попаданию в читательский мейнстрим.

Моё – точно не попадает.

Зима настоящая, классическая. Снежно, в меру морозно и никаких оттепелей с последующим гололёдом. Красота!

Дела всё такие неспешные. Тропу прочистить до калитки и за калиткой до дороги. Птичек-синичек покормить и общественную собаку Жульку или Джессику – кому как хочется, она откликается и на Машку. Потом погулять с палками по парку Монрепо, пить ароматный кофеёк, слушая «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера. А уж после – наверх, в кабинет.

Зима – время для работы. Ведь к весне проснётся сад!

А перед сном – чтение. Лет пятнадцать назад я перешла на электронку. Вынужденная мера. Зрение, и без того паршивое, с годами лучше не становится. Накачаю два десятка разноплановых книжек, шрифт задам покрупнее – и читаю себе, пока не засну. Всегда только на ночь. Точнее – только ночью.

Олег пришёл в книжный бизнес из журналистики, в этом качестве стал полезен. Писал рецензии на книги для журналов и прочих окололитературных СМИ. Потом взяли в редакцию «великого и ужасного» холдинга «АртЭк», пришёлся ко двору и за три года дослужился-таки до ответственного редактора у Киры Тумашевой. Но с тех пор, кроме одного сборника рассказов, ничего не издал. Когда, говорит, мне писать, если я вожусь с вами, пытаюсь всем угодить и себя не забыть.

Доктрина холдинга – экология в культуре, но выпускаемые книги по содержанию далеки и от того, и от другого. Олег объяснил это так: дело не в содержании – оно меняется вслед за конъюнктурой рынка – а в оформлении и печати книг. Оформление отдано на аутсорсинг в дизайн-бюро «Веко», там вообще не используют бумагу из целлюлозы, только синтетическую. Типография холдинга также экологична: оснащена утилизаторами отходов – ничего не пропадает и не попадает в стоки.

В редакции Тумашевой прочно засели «улётчики», отправляющие своих читателей в зазеркалье. В поисковике на запрос «мистика» книги редакции выскакивают первым номером. Удивительно, что со мной вообще заключили договор. У меня же типичный «не формат». Тут явно заслуга Олега. Впервые, как будто вспомнив о прошлом, он пригласил меня в клюве такой относительно вольный заказ. Сказал – на пробу.

Сроки, правда, нереальные. Два месяца на рукопись в четыре авторских листа. У них там серия «Я – женщина», так что моя тема подходит, из-за неё и взяли. Хотя бы полгода дали, я же постоянно правлю! Олег успокаивает: «Без тебя большевики обойдутся, ты давай, гони сюжет». А сам уже со всех сторон ограничителей наставил. Поскольку основной покупатель книг – женщины, востребована мелодрама. И чтобы непременно хеппи энд. Читательницы могут проглотить что угодно, лишь бы в финале герои были живы

и счастливы.

С некоторых пор я вообще плохо запоминаю сны. К утру остаются только ощущения: стыда, страха, бестолковой озабоченности поисков. Но отчего было стыдно или страшно, что я искала, — ускользает в первые же секунды пробуждения.

Но тут я вспомнила, откуда взялся этот сон про лифт.

Учёба в техникуме. Июнь. Ещё до занятий мы с Иркой отправились загорать на Петропавловку. На пляже никого нет, кроме мужчины в плавках, лежащего на животе и не обратившего на нас внимания. Это был не порядок. Мы с Иркой, молодые, весёлые, обычно вызывали у мужчин интерес. А этот даже головы не повернул, загорал себе под лучами раннего солнца. Тогда, помнится, мы болтовнёй старались развернуть этого чудака, чтобы он, в конце концов, хотя бы взглянул на нас...

Пляж быстро заполнялся людьми, и мы уже не смотрели в его сторону. А когда собрались уходить, подъехал милицкий газик, за ним «скорая», над мужчиной склонилось несколько человек, закрыв его от нас. Слово «утопленник» хлестануло плетью, мы спешно похватали вещи и, не чуя ног, летели вдоль стен Петропавловки к трамвайной остановке.

О занятиях не могло быть и речи, решили ехать ко мне

на Васильевский и всю дорогу вспоминали о прошедшем: как вставали в завлекательные позы, нарочно говорили пошлые глупости. Зашли в парадное и обрадовались, что лифт внизу, в кабине горит свет, дверца чуть приоткрыта... А когда сунулись, увидели неподвижное тело. Лицом вниз...

Перепрыгивая через ступени, на одном дыхании взлетели на пятый этаж и, лишь оказавшись в квартире, сообразили, что в лифте валялся пьяный. Смех, истерика, полбутылки Киндзмараули, оставшейся после дня рождения...

Надо же, столько лет прошло, а память услужливо сохранила детали и возвращает событие в виде сна...

Моё утро начинается не раньше двенадцати. Этот режим, съехавший «в ночное», зимой неудобств не доставляет. Встречи, дела и звонки назначаю на вторую половину дня. Да и сколько там этих встреч?! Ручеёк связей с годами всё больше скудеет.

А ты пока делай своё дело и не отвлекайся. Ну, иди выпей кофейку, присланного зятем-бариста, съешь бутерброд с булениной и кусочек чёрного шоколада. Поднимись наверх, покрути педали на тренажёре – и за работу.

Через балконную дверь кабинета виден соседний дом. Со второго этажа странным выглядит его крыльцо, совсем рядом, на уровне глаз. И хотя понятно, что причиной тому

склон, а дом соседей, как и весь участок, искусственно приподнят и выровнен в горизонталь, — такая близость чужой, посторонней жизни всегда смущает.

Впрочем, смущать меня некому. Уже который год там никто не живёт, люди молодые и обеспеченные — за кордон подались. Но кто-то невидимый присматривает за домом. Его появление знаменует свет в окне кухни и приплясывающая огоньками гирлянда под потолком в гостиной. А может, никто туда и не приходит, просто работает система «умный дом», создающая эффект присутствия...

Кстати, про этот самый эффект. Я редко смотрю телевизор, очень редко. Практически никогда. «Да я его вообще не смотрю, включён для фона, как будто в доме кто-то есть», — говорит приятельница.

Мне этого не понять. Для фона — дождь за окном, пробег электрички, пение птиц, вздохи и скрип деревянных ступеней лестницы, музыка, в конце концов!

В доме всегда есть я и мои мысли. А какие могут быть мысли при включённом телевизоре? Хватит и этого безобразника-телефона, звонок которого, слава тебе Господи, можно отключить.

Достаточно и того, что присутствую *я собственной персоной*. Ну, и ещё несколько *прототипов*, которые напрашиваются, а то и прямо говорят: напиши про меня, напиши! Что ж, напишу, только уж потом не взыщите.

Привычка к одиночеству переросла в любовь...

Как там, у Александра Дольского? «Я за тебя весь мир отдам... но одиночество прекрасней».

Пришлось отправить свои «достижения» Олегу по его настоятельной просьбе. И так отмазывалась, как могла. Припёр всё-таки, как он это умеет – разжалобив. На шефа валит, тот якобы грозит неустойкой. Кому? В моём договоре об этом ни слова. Значит, Олегу страдать за упрямого и ленивого автора.

То, что я уже написала, им явно не понравится. У меня получается что-то вроде Чеховских «Трёх сестёр», только на современном материале. Знаю заранее все его возражения: зачем ты опять в «совок» полезла, кому это сейчас нужно?.. Детство лучше пропустить, побольше движухи, никаких внутренних монологов, это сбивает наших читателей с толку... С завязкой не тни, и кульминацию поострее. Хэппи-энд не забудь, в финале все должны улыбаться живые и невредимые. Злодея можешь под конец кокнуть, только без натурализма...

А у меня – вечная история с продолжением, с временными перескоками, параллельными судьбами, и до хэппи-энда весьма далеко. Не понравится – переписывать не буду. Олег даже не догадывается, что я согласилась на договор, лишь бы преодолеть свою лень, компаньонку одиночества. Ведь у ме-

ня этот замысел – давний, и наработок достаточно, есть готовые куски текста... Но всё это, как вялотекущая шизофрения, ни тпру, ни ну. Одна надежда – сроками прищпорят, и я понесусь...

Читаю Набокова, полное собрание его рассказов, и мысль, что мне надо бросить писать, вот совсем бросить, потому что никому мои опусы не нужны, – уже в который раз приходит на ум. Пусть читают Набокова, если вообще читают, или хотя бы слушают в хорошем исполнении. А мне и гнаться за ним нечего – ведь в космос я не полечу, а здесь, на земле, таких, как я, «литераторов» – несметное число.

Особенно сильны его метафоры. Это что-то необъяснимое, как можно, описывая щемящее чувство накатившей влюблённости, вдруг отвлечься на мазок с натуры, предлагая трактовку столь же необычную, сколь и точную: «...небольшая компания комаров занималась штопанием воздуха над мимозой, которая цвела, спустя рукава до самой земли...».

Нет, у меня никогда так не получится, просто потому, что и в голову не придёт отводить глаза от главного события, поэтически описывая пустяки, не имеющие отношения к делу. Но они-то как раз на месте, как на месте может оказаться смех за стенкой в момент вселенского отчаяния...

Имя Гайто Газданова в рассказах Набокова появляется

дважды на корешках книг его домашней библиотеки. В сочинениях Набокова стоят книги Газданова! И не у каких-нибудь заблудившихся эмигрантов, а у вполне вписавшегося в парижский муравейник доктора, во всех смыслах положительного героя, да и у самого автора.

А ведь у Газданова почти нет метафор, он пишет просто, как бы рассказывает кому-то, стремясь лишь к достоверности и не отвлекаясь от сути описываемых событий. Значит, и без метафор можно создавать хорошие тексты...

Ну, ты не очень-то обольщайся, не в метафорах и не в достоверности секрет читательского успеха. А в чём?

Послала Олегу сон про лифт. Он считает, что его можно вставить в повесть для усиления напряжённости сюжета.

А куда вставить? Такие сны годятся только Инге, она – городской житель, с лифтами знакома с детства. Но тогда получится, что только ей снятся пророчества и предостережения, а сёстрам – шиш, живите как попало.

Но ведь что-то мне снилось ещё, кроме этих лифтов, что-то навязчивое, пугающее... Так вот же – мобильные телефоны! Одно время они меня до отвращения преследовали.

Если я во сне лезу за мобильником или слышу его звонок, можно не сомневаться – сейчас кошмарики начнутся. Кнопки телефона либо западают, либо расположены кое-как, име-

ют непонятное назначение, а список абонентов, если и удаётся вытащить, являет бессмысленный набор значков. А я без связи, в незнакомом городе... Телефоны всегда были разными, и ни один не был моим, все чужие.

Но и телефонные сны – опять же Ингины. Только её они могли донимать по ночам, продолжая дневную круговерть деловой активности. У меня эти сны исчезли с появлением сенсорных дисплеев. Телефонные кошмары прекратились совсем. Ни одного за восемь лет...

После вчерашней встречи в «Карусели» начинаю уже сомневаться, стоит ли вообще публиковать свои опусы.

Герои и прототипы – дилемма каждого писателя.

Даже если события происходят на Марсе в 3100 году, даже если половина персонажей – инопланетяне, всегда – всегда! – у каждого из них найдётся вполне земной и, чаще всего, здравствующий прототип. В крайнем случае, собирательный: «губы Никанора Ивановича... нос Ивана Кузьмича»... Изменишь имя, страну, пол, внешность – всё равно прототипы себя узнают! Станут негодовать и порвут с автором все отношения.

Сергей Довлатов решался на публикации лишь после того, как покидал город, а иногда даже страну. Чтобы не побили. Наживётся, всех опишет и – чао! А там уже – в Таллине,

Израиле или Штатах выйдут его книги с вполне узнаваемыми героями.

Хорошая сибирская писательница Нина Горланова написала рассказ «Вечер с прототипом» – сплошные мытарства. А живущая в Израиле Дина Рубина – роман «Одинокий пишущий человек», в котором тема героев и прототипов закадрово проходит живой нитью. Рубиной знакомы судебные тяжбы о диффамации...

Весь день сегодня об этом думаю. Что выбрать: своё писательское ремесло или лояльность окружения? Вопрос риторический, ведь выбор уже сделан. Отступать некуда... И хотя мои прототипы собирательные, как некогда заметил Флобер, «мадам Бовари – тоже я», всё же узнаваемы.

Так вот, о вчерашней встрече.

Иду от кассы на выход, и вдруг меня окликают. Женщина – очень знакомое лицо... но откуда? Подбегает с радостной улыбкой, за ней какой-то мужичок тащится. И когда она уже открывает рот: «Ну, что, не узнаёшь?», – я вспоминаю. Ирка, жена Саша Н., моего зама по экономике. Из прошлой жизни явилась. А у меня перед глазами фраза: «...Ирка, гостеприимная неряха с неугомонным взрывным характером...», – из моей эпопеи «Похождения бизнесвумен». Так... интересно, прочла она или нет?

Как бы отвечая на невысказанный вопрос, Ирка вопит, сияя благодушием: «А мы только недавно о тебе говорили, прочли твою книгу. Сыновья – они уже два взрослых амба-

ла – хотели в суд на тебя подавать!». Ирка радостно смеётся, мужичок никак не реагирует – подумаешь, суд, у него и не такое бывало... И, не давая мне вставить слово, продолжает: «Ведь ты написала, что они в кота ледышками кидались».

Ну, кидались... может, правда, не в кота, а друг в друга... Их пацаны-двойнята мелкими совсем были, но в паре – стихийное бедствие... Погодите-ка, а причём здесь суд? Если уж судиться со мной, то не парням, а бате или мамаше. Ирке – за нелестную характеристику, Сашке... Ну, он-то знает, что я имела в виду, говоря о продаже студии звукозаписи, полученной «Рекордом» от ТНХК. Так что вряд ли Саша вякнет, у него за спиной тогда, в 90-е, стояли суровые люди, вскоре тот комбинат и развалившие...

– Вот Сашку сейчас удивлю... кого я встретила, – азартно продолжает Ирка, уже набирая номер.

Дальнейший разговор с моим бывшим замом передавать бессмысленно. Саша, безусловно, не разделяет восторга супруги, он вообще молчит в трубку, и это молчание красноречивее любых слов. Он прочёл и понял! Понял, что я в курсе той давней авантюры. Подумаешь, авантюра – сущий пустяк! Если писать обо всём, что я знала, мне не суда нужно опасаться...

Молчаливый мужичок, их сосед по даче – буквально рядом со мной, в десяти минутах езды – любезно предложил подвезти. Выгружаясь из джипа, я кивала и обещала... обязательно встретимся... как-нибудь устроим шашлыки...

А дома немедленно выпила рюмку коньяка.

Звонил Олег. Не рано, он мой режим знает. Без всяких реверансов – тебе сейчас удобно? не помешал? – сразу к делу. И хотя начинается «за здоровье»: тема хорошая, за трёх сестёр спасибо, отсылка к Чехову повысит спрос, – быстро сползает если не на полный разнос, то на суровый выговор.

– Ты ведь знаешь, что без диалогов или монологов, короче, без прямой речи никто теперь в книгу не заглянет... И не пиши такими длинными периодами... Кто это читать будет? Старичё? Так они современных писателей не признают, и тебя не признают, не надейся. А твои перескоки, мы уже об этом говорили, сбивают читателей с толку. Они же теряют нить повествования, вынуждены заглядывать назад. Шанс, что плюнут и бросят, весьма велик.

Тут я с ним не согласна. Тематические перебивки обогащают сюжет, придают динамики. Но сейчас лучше промолчать, ведь Олег, как всегда, приберегает козырную карту напоследок. После того, как ты уже морально готова к худшему, он ослабит хватку и тем самым принудит сделать то, чего раньше по обоюдному умолчанию не требовалось.

– У тебя там наметилась мистическая линия... – продолжает Олег, постукивая клавишами компа, значит, попутно ещё пишет что-то, Бонапарт хренов, – девочка вышла с бо-

лот не та, похожая, но уже другая... и чудесные спасения... Или вот здесь ты пишешь: а затем где-то происходит надлом, о котором история умалчивает... Нет уж ты, пожалуйста, не умалчивай. Что за надлом? Его надо показать. Вдруг это одна из промежуточных кульминаций? Короче, я с Тумашевой этот момент обсудил, добро на мистику получено. С мелодрамы отходим.

И услышав напряжённое молчание в трубке, вздыхает, усмехается и тепло так припечатывает: «Ты ведь помнишь у Чехова: „Если в первом акте на сцене висит ружье, в последнем оно должно выстрелить“? Так выстрели, чёрт тебя подери! Жанр мистики позволяет без всяких трупов и кровищи устроить форменное нагнеталово, что нынче так любезно, не побоюсь сказать, широкому кругу читателей. О диалогах не думай, – подстилает соломку Олег, – есть спецы по болтовне, нужно будет – привлечём».

Это он меня лихо Чеховым поддел. А что мне теперь с Валентиной делать? Там никакой мистики даже близко нет. Голая бытовуха в стиле Трифоновского «Обмена». Я как раз на контрасте решила подать близнецов, на полной непохожести и в то же время повязанности общим прошлым. Девять месяцев в одной утробе магнитят их, как ни крути. А старшая Инга, богатая счастливица, к тому же родная лишь наполовину, всё равно никогда своей не станет, хоть расстелись... Или в конце всё же станет?

В любом случае, мистика интереснее, чем мелодрама.

Больше возможностей спрятаться за призрачным фасадом. Эфемерность бытия, так или иначе, присутствует в прозе жизни. Оставлю одной сестре быт, усугублю трагедией, а другую закручу-заверчу, народных поверий подпущу. Но что делать со старшей? Дать роль оракула-покровителя или жертвы заговора? Вот думай теперь, голова, раз «добро на мистику получено».

Опять приснился лифт. Одна из его разновидностей – «старинная рухлядь». В этот раз я заранее знала, что никого в кабине рядом не окажется, но ехать надо очень осторожно, не делая резких движений. Опасность таилась под полом, откуда шёл томительный звук ночных сверчков. В полу была щель, прямо посередине. Эта щель расширялась, мне пришлось прислониться к стенке, чтобы не провалилась нога. Концовка сна смазалась, но вроде ничего страшного не произошло. Как говорит нынешняя молодёжь, лайтовый вариант.

Стилистику сна про лифт я узнаю с «первых кадров». Чаще всего приезжают развалюхи, громыхающие, запинаящиеся, иногда с оторванной, висящей на одной петле дверью. Заходить в них очень страшно, но почему-то необходимо. И едет такая халабуда как попало, останавливается рывком, держаться не за что. Но выходишь, не оглядываясь, с облег-

чѐнным вздохом: на сей раз пронесло...

А вот если ничего не предвещает, и кабинка новѐхонькая, и свет приветливо горит, тогда жди ужасика. То вдруг лифт падать начнѐт, сорвавшись с упоров, то между этажами застрянет, и я карабкаюсь, срываясь, чтобы вылезти на площадку. Нарастающая тоска – нет, не смертная, а обыденная, сродни пониманию, что беды не избежать – лишает сил. Просыпаюсь с бьющимся кое-как сердцем и не сразу осознаю, где я...

Правда, больше не появляется в треснувшем зеркале кабины бледное, почти уродливое лицо мужчины. Ушѐл из моего сна и теперь одиноко бродит по городу, глядя себе под ноги. Возможно, высматривает мои следы.

Он точно существует, этот человек. Однажды я встретила его в метро. Он поднимался по эскалатору, а я спускалась, торопливо бежала, с извинениями обходя стоящих у перил. И вдруг почувствовала, что на меня кто-то внимательно смотрит. Остановилась, глянула направо и сразу его узнала. Ещѐ некоторое время мы пристально вглядывались друг в друга, развернув головы...

Получила от Олега план моего сочинения. Пишет: сделал за тебя работу, раз тебе недосуг. Ага, так я и разбежалась! Даже по собственному плану не могу писать. Конечно, крат-

кое содержание, эскиз набрасываю, но и отступаю от него с лёгкостью, если *понесёт*.

А ведь это и есть самое главное – чтобы понесло. Включается некий внутренний соавтор, до поры до времени спокойно дремавший под стук клавишей. И вдруг, разбуженный, со словами: ну-ка, подвинься, теперь моя очередь, – незаметным образом перехватывает инициативу, предоставляя мне чисто технический *набор текста*.

Чужие сочинения тоже не исправляю. Дохлый номер. У тебя же рука набита, большой опыт! – огорчается Олег. Он считает, что это мои капризы, и всё из-за того, что я не нуждаюсь в деньгах. Тут он не прав. Деньги всегда нужны. Но не настолько, чтобы в мои годы начать карьеру литературного негра.

Опыт, конечно, есть... негативный. Да, написан десяток романов, повестей и рассказов на несколько сборников... А издано всего ничего: только повесть и пара новелл. Зато масса наработок! Не знаю, хватит ли мне оставшейся земной, притом разумной жизни.

Сию, перебираю свою папку «Планы» с файлами когда-то новых идей, отчасти проработанных, отчасти собранных в последовательную пунктирную нить. Одному сюжету семь лет, другому десять. Последнему – месяц. А вот мечта-эпопея «Алтун», жизнь длиной в четверть века, где по замыслу равноправны пейзаж, люди, животные всякие, дубы и дороги. И начало есть, определяющее и стиль, и темп...

Все эти наработки мертвы. Их, когда-то вспыхнувших озарением, наполненных биением путеводной нити сюжета, с подробностями, подсмотренными, пережитыми, – их уже не воскресить. Слушаю записи разговоров, десятки диктофонных документов, и никак не могу нащупать тот нерв и откровение, двигавшее мной когда-то... Что я этим хотела сказать? Зачем записывала откровения деревенской старухи?

Провал. Межвременье. Пустой лист.

Порой тексты накатывают во время прогулок, всегда под ритм скандинавской ходьбы. Сестра Тома, заметив меня в парке, говорит подружке: «Вот моя Марусечка принимает послание». А я и не вижу их. Остановлюсь и поскорее наговариваю в диктофон, а дома переносу в файл рукописи.

Садясь за компьютер, понятия не имею, что будет дальше, пока сверху не получу очередной транш. И когда он приходит, тексты зацепляются, ложатся под строчку. Пишу и не знаю, что произойдёт в следующую минуту. Герои, действие – всё идёт помимо воли. Главное – сразу же дарёное ухватить и поточнее записать.

Как-то прочла внучке Маше кусок из романа «Призраки Летнего сада». Она, с побледневшим лицом:

– А дальше что? Они встретятся?

– Да я ещё не знаю, только пишу...

– Бабушка, ну пожалуйста, не убивай его!

Вот не уверена я, что смогу выполнить её просьбу... не в моей власти.

И так всегда. Я ведь понятия не имела о фабуле рассказа «Под соусом Гервица», не знала, что случится с главным героем и вообще, кто он такой. Фигура, черты лица проступали фрагментами. Просто шла вместе со своей героиней по горбатым улочкам Выборга вслед мужчине, явно приезжему – судя по карте, с которой он сверялся. Внезапно он обратился ко мне (к ней) с вопросом... И тут я очнулась. Но лишь отыскав помеченный на его карте дом, поняла, к кому и зачем он идёт.

Это понимание впоследствии тоже оказалось ложным, герой разоткровенничался, и я (героиня) приняла решение, никогда не приходившее мне (ей) в голову. И конечно, я (теперь уже только я) совершенно не ожидала того, чем всё закончилось. Она-то уже знала, но меня известить не удосужилась.

Она... я... Профессиональная деформация, вот что это такое.

Рассказ «Третья примерка» так и не дописала, набросала план в надежде позднее закончить. Но чуда не произошло. Вроде всё так интересно задумывалось, в плане этом, а строчки лезут вялые, спотыкаются, вот-вот протянут ноги...

Значит, на этом конец. Никакого продолжения не будет.

Сама всё испортила. Надо было просто подождать, а не спешить, как на поезд. Дали тебе цельнолитой кусок, возможно, будущего шедевра – не спорь, не спорь, его дали, ты тут не при чём, разве что аккуратно воспроизвела в вордовском файле! – сиди и жди следующей передачи. Так нет же, принялась делать, *как положено*.

И ведь знаю, что нельзя мне составлять планов. Нельзя заглядывать в будущее. Выдали тебе – и живи этим. Остальное само придёт, само тебя найдёт, и тогда... Вот тогда, возможно, и возникнет продолжение, побежит, потянется полными энергии строчками.

Да, маститые авторы пишут по-другому. Сначала – обязательный план с кратким содержанием глав: завязка, кульминация, развязка. Потом – работа над персонажами, чтобы у каждого характеристика была, яркая, образная. Да много разных законов, которым обучают на писательских курсах. Например, с первого абзаца захватить внимание читателя острой интригой.

Так ведь и у меня вполне интригующее начало, возражаю я мысленно, а план... что план – просто чтобы не забыть: ведь оно же на горизонте всполохами играло, манило...

Ну и сиди теперь со своими всполохами, а рукопись: ку-ку. Не судьба, значит, вещи явиться на свет. Смирись и не ропщи.

Только недавно вспоминала про телефонные сны-кошмары, радуясь, что они пропали, и вот вчера явились опять. Придумали, гады, как меня уесть. Поначалу я даже не поняла, что это тот же самый сон. Он влез в другую, занимательную историю из прошлого, о которой я напрочь забыла.

Выставка моих «дикарей» в библиотеке Дома Моделей. Она провисела ровно два часа после открытия, потом её спешно убрали. Начальство ополчилось, был скандал, о котором я узнала от Саши, ведущего модельера.

А во сне мои графические листы ещё на месте и вроде посетители ходят-разглядывают-улыбаются. Потому что хотя на них сцены из первобытной жизни, но сюжеты вневременные: ревность, соперничество, материнство, власть, ссора. Всё происходит в читальном зале, с окнами на Невский проспект, столами с уютными креслами.

Такое реально воссозданное прошлое обмануло меня. Даже не мелькнуло «это сон», как бывало обычно. И вдруг – звук вибрации в кармашке сумки. Значит, через пару секунд раздастся «Billie Jean» Майкла Джексона.

Быстро достаю телефон – дисплей чёрный. Пробую на боковую кнопку жать, чтобы выключить его совсем – никаких кнопок под пальцами. И вот уже он звучит, наступательный ритм под барабаны и захлёбывающийся, с придыхания-

ми и птичьим посвистом, голос Джексона: «*She was more like a beauty queen*¹...».

Недоуменные, осуждающие взгляды читателей, поднявших головы от журналов. И я – беспомощная, с этой штукой в руках... А сердце колотится от ужаса и стыда...

Тогда, в конце 80-х, у нас ещё не было мобильных... Помнится, в Финляндии человек, разговаривающий по такому телефону, произвел на меня впечатление пьяного или сумасшедшего. Теперь без них жизнь кажется невозможной. «Всё взяли? Телефон не забыли?», – обычное напутствие уходящим гостям. Ведь забыть – значит остаться без связи с миром. Это уже немыслимо, это катастрофа...

Мой телефон молчит. Я стараюсь не думать о причинах этого явления. Видимо, уже никому не нужна.

А мне кто-нибудь нужен?

Прямо сейчас – нет. Потому что дело идёт, а звонки только мешают.

Но ведь об этом не знает ни одна живая душа...

Моя рукопись подходит к концу. Уже знаю, что не примут. Ни один пункт договорных обязательств не выполнен. Из объёма выскочила чуть не вдвое, мистику развивать

¹ Она больше походила на королеву красоты... (англ.)

не стала, а те вкрапления, что всё же время от времени появляются, погоды не делают. То есть несоответствие жанру. К тому же сроки немислимо затянула.

Что они там с Тумашевой надумают, как со мной решат? Ещё этот проклятый аванс, уже потраченный, висит надо мной, как домоклов меч! Зачем брала его? Нищая, что ли?

Так взяла, чтобы почувствовать серьёзность происходящего. Что мне, действительно, очень крутое издательство заказало книгу. Ладно, если откажут – верну. Лишь бы поскорее всё разрешилось.

А пока пошлю Олегу то, что есть.

Семи смертям не бывать, а одной не миновать.

Большая удача для литератора, если у него есть так называемый «бета-ридер», то есть образованный, чуткий и доброжелательный читатель, который в состоянии разглядеть и подсказать автору его слабые места. Вдвойне полезен тот, кто при этом знает, как их исправить. Такие люди, как правило, либо имеют филологическое образование, либо крепко начитаны и обладают чувством стиля, композиции.

Не секрет, что начинающие, а порой и опытные сочинители, хотя и просят посмотреть и дать оценку, но имеют в виду – прочесть от корки до корки и похвалить. Сама была такой лет двадцать назад, поэтому понимаю и отказываюсь

судить новичков – только время зря потрачу. Зато критику в свой адрес не только приветствую, но жажду заполучить.

Недавно влезла в авантюру. Попросила довольно известную писательницу Наталью Р., позиционирующую себя как писателя, искусствоведа и литагента, написать отзыв на мой роман «Семь мужей Синеглазки». К роману приложила три рассказа, их можно быстро прочесть и составить хотя бы первоначальное мнение об уровне автора. Р. брала гонорар из расчёта за авторский лист, и я заплатила ей 30 тысяч.

Месяц прошёл, жду, изредка напоминая о себе. Р. кратко отвечает что-то типа «много нас у неё, очередь не подошла». Наконец, добились. Никогда не забуду, что она написала: «Честно скажу, мне не понравилось». И это всё?! Пытаюсь выяснить, что конкретно не понравилось, в ответ: «Я вообще не люблю женские романы».

Ничего себе отзыв за 30 штук! А я-то ожидала разбора полётов. Пусть нелицеприятно, но твёрдо зная, что вещь будет прочитана, иначе зачем считать свой гонорар по авторским листам? Ах, она и не думала ничего читать!

Разозлилась я конечно, но взяла себя в руки и деликатно напомнила, цитируя ей выдержки из её же писем, что она мне изначально обещала. Уж не знаю, совесть ли проснулась, или Р. за репутацию свою испугалась, только через некоторое время сообщает, что два рассказа взяли. Один – в канадский литературный журнал, другой – в уважаемый сетевой ресурс «Текстура». Ну, хоть что-то...

Сны приходят из подсознания. Именно оно создаёт фильмы для нашего ночного кинотеатра. Вещие сны присылают нам для предупреждения. Правда, чаще всего, расшифровать мы их не можем. Чувствуем – важное что-то нам пытаются сказать, но узнаём уже после того, как всё свершится. Да и чем бы мы смогли помочь, если бы и знали? То, что должно случиться – произойдёт непременно. Так или иначе, но произойдёт.

Сегодня опять проснулась в три ночи. Показали мне один из неприятных, повторяющихся снов. На этот раз, про кошелёк, в котором я понапрасну ищу деньги, а попадается всякий мусор: мятые этикетки, конфетные фантики, пробитые трамвайные талоны.

И стыд из-за невозможности расплатиться за мороженое, которое я уже лизала, разорвав упаковку. Весь день этот стыд не проходил, и нарастающая боль в горле как бы являлась возмездием, хотя наяву никакого мороженого я не покупала и не ела.

Интересно, что с распространением банковских карт сон о деньгах, вернее, об их отсутствии, мне снился очень редко, последние годы вообще перестал. И вдруг – опять.

Бабушка говорила: если снятся деньги – к слезам. А если вместо денег мусор? И что там по этому поводу сказал бы

Фрейд?

Горло полощу, самочувствие поганое, смутное ощущение грядущей беды.

Олег вызвал в Питер поговорить. По хмурому выражению лица сразу определяю: устал и раздражён. Дела в издательстве идут неважно. Всё дорожает, бумагу приходится везти из Китая, доставка чуть не вдвое подняла цену. Каким-то гадким гриппом переболел, теперь кашель замучил, приступами, особенно по утрам.

Это прелюдия, чтобы я понимала: ему хватает *других* неприятностей.

– Мы же с тобой договаривались, чтобы кусками присылать... будем обсуждать, согласовывать, – приступает он к главному, – А ты мне всё скопом вывалила. Как я перед главредом буду отчитываться?

Я молчу. Понимаю, но уже ничем не могу помочь.

– У нас утверждена мистика. Я присылал тебе обложку, ты же видела, каким должно быть содержание...

Олег говорит нарочито спокойно, но лёгкие срывы голоса выдают нервы. Или это последствия болезни?

– Ведь ты мне обещала развить тему, я это согласовал с Тумашевой. В результате одни эпизоды... Послушай, всё не так уж плохо. Характеры, образы... узнаю твой ближний

круг...

Ещё бы, не узнаёт! Пять лет был для меня чуть не самым близким человеком.

И тут он, пристально глядя в мои глаза, скороговоркой произносит:

– А куда ты дела сына, почему его здесь нет? Он просто обязан быть! С его трагичной судьбой, нездешним обликом... И подруга его, твоя племянница, с которой у него был духовный контакт... Как они уже после его смерти разговаривали... Ты ведь мне сама рассказывала...

– Заткнись! – отвечаю тихо и зло, – и больше никогда не упоминай об этом...

Дверью хлопнула с такой силой, что в сумке выключился телефон. Поэтому все последующие звонки: от него, от Тумашевой, – увидела только вечером, вернувшись домой. Да и то не сразу, а ближе к ночи, когда обвальная тишина показала уже слишком подозрительной.

Про племянницу Леночку Олег вспомнил кстати. Действительно, у неё в юности проявлялись паранормальные способности. По крайней мере, это касалось того, что предшествовало пожару. Тогда в одно лето сгорело в Алтуне шесть домов, том числе, и мой. Чему она стала свидетелем и даже участником. Меня там не было, так что сужу с её слов

и рассказов соседки.

Первое. Дня за три до пожара из нашей избы ушли крысы. Исход их наблюдала соседка Валя, видела, как по траве за забором что-то ползёт, решила, что гадюка или уж. И ползёт в сторону её дома. А уже когда подползло ближе, увидела шеренгу крыс с маленькими крысятами, семенящих от нашего дома.

Второе. В ту же ночь Лена проснулась, будто кто её окликнул. В окно светила луна, и в её мертвенном свете племянница ясно увидела, что висящая над столом репродукция «Мадонны с младенцем» Леонардо дрогнула и стала расплываться.

И вот уже сама мадонна сидит на лавке у стола и с той же с улыбкой держит в руках игрушку, к которой тянется младенец. Улыбка её становится всё шире... шире... и Лена явно замечает в углах её губ клычки... Они растут, и вот уже она смеётся, по-змеиному высовывает и прячет язык, а младенец зло смотрит в угол, где стоит кровать... и Лена просыпается.

Третье. Накануне пожара она с подружками отправилась в клуб, что в соседней деревне. Только вышли на большак, у неё что-то со зрением произошло – ясно видит то, чего никак видеть не может: водонапорную башню, бензоколонку, монастырскую церковь в Пушкинских горах, которые в тринадцати километрах от нашей деревни. Потом дорога начинает подниматься в небо... и Лена падает, на несколько се-

кунд теряя сознания.

Она обо всём этом рассказывала, но никто внимания не обратил, посчитав в одном случае ночным кошмаром, в другом – что перегрелась на солнце. Но исход крыс – это ли не явное указание на катастрофу?..

Да, этот сюжет тоже мог бы войти в мою рукопись. Но теперь уже поздно. Особенно после того как я хлопнула дверь.

Томительное ожидание. Прошла неделя, Олег не звонит-не пишет. Я тоже молчу, выдерживаю характер. Да и что я теперь могла бы сделать? Мяч на их стороне, так что жду передачи пасов и удара в ворота, которые защитить не смогу, да и не хочу.

Уж скорее бы всё закончилось, чтобы не думать об этом, не надеяться. Я устала. И не от работы над рукописью, нет, а от ожидания очередного подвоха. Олег ведь бывает очень злопамятным, вернее, бывал...

Может, они там составляют список замечаний? Только зря время потратят. Ничего переписывать не буду. Или не зря, и правки пустяковые, обоснованные? Внесу их, и книга моя вскоре уйдёт в типографию, а к Новому году появится в магазинах...

Размечталась, дурища, они там, небось, с юристом

неустойку обговаривают за срыв сроков и несоответствие теме.

Да что угодно – лишь бы скорее...

Почему-то вдруг вспомнилось, как мы с Олегом познакомились.

Это случилось в Голландии, куда я приехала в рабочую командировку по приглашению семейной пары, владельцев типографии, которые явно рассчитывали продать моей фирме своё старое печатное оборудование. Приставили ко мне Дежу, девушку, которую я сначала приняла за парня. Да она, в общем, и была парнем, но это другая история...

Короче, мы с ней не ладили, и я на некоторое время осталась без опеки, правда, всего на два дня, но... Это оказалось весьма полезно и для моего английского, и для выбора будущих партнёров...

Так вот, английский... Я ждала владельца небольшой галереи, имея ещё одну цель: наладить культурный обмен. Для чего привезла папку с образцами графики и пачку слайдов живописи ленинградских художников.

В залах развешивали очередную экспозицию, хозяин пообещал освободиться через полчаса, и я стала ждать. Вместе со мной ожидал высокий бородатый мужчина богемного вида. Он бегло говорил по-английски, спросил о цели моего

визита.

– Я представляю художников, хочу договориться о выставке, – бойко ответила я, с некоторым тщеславием вспоминая, что меня во всех странах принимают за свою: в Германии – за немку, в Финляндии – за финку, и здесь, в Нидерландах, меня принимают за голландку, даже иногда просят указать дорогу.

Он же хотел открыть книжный салон, совмещённый с художественной галереей. Мы ещё минут пятнадцать поговорили. Меня интересовало, что он знает о коммерческом успехе художественных галерей, на что получила ответ: «Это во многом зависит от конъюнктуры. К примеру, сейчас очень важно, откуда родом художник».

– Where are you coming from²? – поинтересовалась я.

– I am from Moscow³, – с гордостью ответил бородач.

– А я из Питера! – завопила я во всё горло. На сём наша «светская» беседа закончилась, к тому же вышел хозяин, и они вдвоём ушли в недра галереи – продолжать разговор на международном языке.

На следующий день мы встретились в театре, куда меня затащили мои хозяева послушать итальянскую оперу. И тогда уже познакомились по-настоящему. А потом – совсем по-настоящему, так что «Красная стрела» целый год была нашим излюбленным транспортным средством. А ещё четыре

² Вы откуда приехали? (англ.)

³ Я из Москвы (англ.)

года мы жили вместе, у меня на Васильевском острове.

Олег и сейчас живёт в Питере, крайне полюбил его, а я давно перебралась в Выборг, городок, напоминающий мне кусочек средневековой Европы, на одной из холмистых улочек которой находилась та самая голландская галерея. С ней, кстати, у меня тогда ничего не вышло.

В конце прошлого года внезапно и очень быстро сложился сборник из новелл под заглавием «Записки белой цапли». Идея простейшая, как гамма... всё из тех же семи нот. По сути – стилизация реальных событий под китайскую средневековую прозу. Событий, по разным причинам задевшим, а порой сильно расстроившим меня.

Первое было даже не событием, а многолетним и очень обидным отношением человека, которого я любила, для которого сделала в жизни много хорошего. А он, видимо, не желая брать какие-либо ответные обязательства, проявлять на людях благодарность, лгал окружающим и, опасаясь, что правда всплывёт, больше не приглашал меня в свой дом.

Да, именно тогда, после особенно сильного удара под дых, прилетела писательская муза, потрянула нефритовыми подвесками, стрельнула прорезью чёрных глаз и произнесла ясным голосом с китайскими модуляциями: «Они идут рука об руку и ловят в свои сети простодушных и доверчивых.

Ложь целует в губы, усыпляя внимание, а предательство ловко расставляет силки».

Я чуть не задохнулась от этой фразы, но немедленно её записала. И лишь потом догадалась, что мне её наваяло. «Записки у изголовья» Сей Сёнагон – книга придворной дамы средневекового Китая, которую я прочла года три назад, валяясь на пляже острова Крит. Не сама фраза, конечно, а её подобие.

Мне даже не потребовалось заглядывать в текст, образы и нужные слова нашёптывала муза, приняв для пущей убедительности вид китаянки с высокой причёской, утыканной разноцветными шпильками, белым напудренным лицом и длинными, тянущимися к вискам чёрными бровями.

Когда история – конечно, поучительная, как и положено китайской прозе того времени – была дописана, муза исчезла. А я перестала страдать, и, испытывая любовь к этому человеку, продолжала помогать ему. И он опять стал ко мне добр и приветлив, принимал в своём доме, без слов выражая признательность.

Но пришла очередная напасть – мужчина, купивший соседский пустырь, потребовал перенести мой забор аж на три метра, ссылаясь на спутниковую разметку. Сильно расстроившись, я поначалу уговаривала его, предлагала любые деньги, а он угрюмо повторял: «Мне самому надо, здесь будет хозблок».

И тут я вспомнила о действенном средстве. Вернее, оно

само напомнило о себе, и я с усмешкой записывала новую историю про богача, который позарился на возделанный клочок земли бедной вдовы, таскавшей на себе в горы воду для полива. Вдова сразу уступила и помогала советами жене богача. И небо вознаградило её, а богачу преподало урок.

Я решила сделать то же самое, даже подарила соседям прекрасную тую, которую они бережно выкопали экскаватором и посадили при входе. В результате мой сад стал короче не на три, а всего на полтора метра, и плетистые розы приобрели надёжную опору на стене соседского хозблока.

Так и повелось. Когда происходили события, приводившие меня в гнев или расстройство, появлялась муза в китайском облике и нашёптывала очередную средневековую притчу, которую мне оставалось только записать. Я прилежно стучала по клавишам компа, ныряя в справочники за правильными терминами.

Досада и неприязнь уходили, а люди, ставшие прототипами «Записок белой цапли», больше не раздражали меня. Я даже испытывала по отношению к ним чувство некоторой вины и одновременно признательности. Иногда заглядывала им в глаза, желая убедиться, что раскосость, которой я их наградила в рассказах, на деле никак не проявилась.

До сих пор не могу уяснить, откуда взялась эта параллель с китайской средневековой прозой, почему идея так захватила меня, заставив ради точного понятия перерыть объёмы информации, вжиться в совершенно чуждый мне образ мыс-

лей и поступков каких-то древних китайцев.

А, главное, как это работало – написал и отпустил...

Наконец, свершилось! От Олега пришло сообщение: «Начальство предлагает расторжение договора, аванс не возвращается. Ты как?».

Начальство – это Кира Тумашева, пробивная, молчаливая, неопознаваемого возраста, с которой у него отношения.

Да фигня это всё, какие там отношения!

Даже если и есть, мне-то что? Он же не клялся в вечной любви.

Да и врозь мы уже... второй десяток лет.

Отвечаю: «Согласна».

Вот и всё. Вот ты и доигралась в независимость. Упустила единственный шанс...

А впрочем, шанс на что? На пожизненную кабалу – ведь в «АртЭке» именно так обстоят дела, да и в любом букс-холдинге. Они же вкладываются в каждого нового автора, раскручивают его, как какую-нибудь поп-звезду, а потом стригут купоны. Олег рассказывал: если вписалась – всё остальное не важно, кроме сроков сдачи рукописи и внесения целой обоймы правок, подчас противоречащих и смыслу, и замыслу.

Одна очень популярная писательница Н. родом из Сиби-

ри, талантливая и амбициозная, заработала в таких темпах и стрессах онкологию и сгорела за три месяца. Это случилось год назад, а книги её продолжают раскупаться, и нигде ни слова, что Н. уже нет в живых – это может повредить спросу. Право на смерть имеют только классики.

Моя рукопись никогда не будет опубликована. Я это точно знаю.

Ещё не наступило время и не скоро наступит, если наступит вообще, когда литература забросит свои лукавые игры с читателем и вновь вернётся к «разумному, доброму, вечному».

В любом случае меня уже не будет на этой Земле, а там, где душа обретёт постоянную прописку, её вряд ли станут интересоваться события прошлого.

Зато – ура! – ничего не нужно менять в тексте, не нужно задаваться вопросом, поймут ли, примут ли, оценят. Могу строить композицию на своё усмотрение: совмещать реальный сюжет с живым нервом вымысла, добавлять мистических знамений – да всё, что угодно!

И это никогда не исчезнет.

В век интернета рукописи не горят. Раз промелькнувшие в сети, подобно комете, оставляют на небе свой закодированный след, взяв который, Гончие Псы уже не отпустят. В зу-

бах доставят Главному Хранителю Всего на Свете, который бестрепетной рукой положит их на полку, снабдив виртуальным ярлычком и двоичным шифром.

На радость тем редким любознательным путешественникам в прошлое, роющимся в архиве облачных хранилищ...

ЛИЦЕДЕЙ

1

Павел Андреевич Соколов, председатель секции фантастики Союза Писателей, шёл к платформе Царского села. Путь предстоял не близкий: электричкой до Питера, потом на метро к Финляндскому вокзалу, а оттуда уже на Ласточке до Выборга. Можно было, конечно, добраться по скоростной трассе, но Павел решил машину не брать. У него пенсионная транспортная карта, незачем тратить деньги на бензин и платную дорогу. К тому же за рулём не выпить. А вдруг устроят банкет?

Кто и зачем может устроить банкет, Павел не знал, однако на всякий случай положил в рюкзачок бутылку неплохого коньяка. И хотя пьяницей Павел Андреевич не был, в компании не отказывался. Вот только вряд ли сегодня соберётся хорошая компания. Друг по Академии с женой, две сотрудницы библиотеки: Ольга и Марина, – да видео-оператор.

Любовь Васильевна из картинной лавки под вопросом – в телефонном разговоре юлила. Обещал быть Егор, молодой выборгский сочинитель. Мечтает вступить в Союз и обхаживает Соколова в сети. На всякий случай он этого Егора придерживает, но читать присылаемые опусы даже не пытался.

Остальные приглашённые, те, кого он действительно хотел бы видеть на своём выступлении: главред местной газеты, директор ДК, замглавы администрации по культуре, телевизионщики, — эти не придут. Раньше хотя бы отвечали вежливым отказом, теперь — молчок. Одна надежда на библиотеку: кто-то из её верных читателей наверняка заглянет.

Сам Павел Андреевич был родом из Брянска, правда, города почти не помнит. Семья моталась за отцом, полковником ракетных войск, по всей стране. И в Ленинградскую Военную академию Пашка поступил по его настоянию, предусмотрительно выбрав кафедру материально-технического обеспечения. Как потом оказалось, очень правильно выбрал. А ведь несколько раз порывался бросить учёбу: сучка смертная да армейская муштра.

В Академии он всё же смог проявить свои творческие дарования: возглавлял команду КВН. Тогда и прозвище приклеилось — Пашка-сокол. Впервые услышал его от Лёхи Бурмистрова с пограничной кафедры, когда перед началом репетиции стоял у дверей в актовый зал: «А Пашка-сокол ещё не приходил?». Он тогда не сразу вошёл, решил послушать, что ему ответят, как среагируют на «сокола». И по репликам понял — его так давно за глаза называют. Что ж, логично и не стыдно.

Молчать и слушать — было его главной стратегией в тот период. Может, поэтому он и увлёкся пантомимой? Даже посещал актёрские курсы при Доме народного творчества и се-

рьёзно намеревался бросить душную интендантскую стезю, создать свой театр. Тем не менее, несколько лет проработал на кафедре, и уже кое-какие связи завязались.

Но тут грянула перестройка, обвал, в Академии не платили, и он перешёл в одну из торговых контор коммерческим директором. Вот где пригодились корочки снабженца! Тогда все активные стали директорами. Соколов набирался рыночного опыта: продавал, покупал, наработывал клиентскую базу, подкапливал.

С тех пор прошло двадцать лет, но в материальном плане мало что изменилось. Он продолжает покупать, продавать, наработывать связи, обеспечивая себе и Аллочке жизненный комфорт. Но и увлечений своих не бросил: писал сценарии в надежде на случай. Кое-что даже удавалось тиснуть в провинциальных журналах...

Павел Андреевич шёл к платформе размеренным шагом. Всё рассчитано, ходу двадцать минут – необходимая нагрузка, иначе становишься грузным. Это надо покрутить: нагрузка – грузный. Мозг теперь работает на парадоксы и сокращения. Как скульптор – отсекает всё лишнее. Слова – те же люди: чем их меньше, тем яснее языковая суть.

А когда-то признавал только язык тела, язык жестов. На «Лицедеев» последнюю стипендию спускал. Театр пантомимы Полунина как-то сразу прогремел, несмотря на цензуру тех лет. Павел все их трюки пересмотрел. А потом и сам подался в лицедеи. И уже через год подготовил собственную

программу, не хуже полуниинской. Мишку Дворковича втянул... на свою голову.

Иуда... вор... прохвост... предатель...

Молчи. На месте Мишани поступил бы так же... Роковые совпадения, случайности, протест предъявить некому. Мишка уже десять лет в Италии, организовал труппу «Certi», что в переводе значит «Уверенные». А Соколова в Рассее-матушке жизнь завернула сложным кульбитом – по всем дефолтам проехался, стиснув зубы. Но выскочил, выскочил Пашка-сокол! Только вот про театральные подмости пришлось забыть. Синяя птица мечты клюнула в темечко.

Пребольно так клюнула...

Этот жизненный эпизод Павел Андреевич вспоминать не любил и при малейшем отзвуке тех событий волевым усилием переводил ход мыслей в другое русло, как стрелочник направляет железнодорожную ветку на новый маршрут. Это не всегда удавалось, и тогда, смирившись с неизбежным, он «досматривал кино» до конца и потом за бутылкой виски целые сутки выпускал пар налившейся злой тоски. Но сейчас обошлось, мысли сами перескочили на другие неприятности, менее травматичные, и это помогло: так сказать, клин клином...

Вот едет он, теряет драгоценный, невозвратный день жизни, а для чего? Его «минимализмы» народ не понимает. Те, кто поумнее, делают вид, что прониклись тонкостью замысла, игрой ассоциаций. Остальных он берёт кавалерийским

наскоком. Тут главное – держаться той наработанной манеры, которой он овладел в студии пантомимы. В нужный момент взвиться, раскрыть себя эффектным жестом, сбить сонливую одурь с этих тупых морд... чтобы вздрогнули, обалдели. Трюк неизменно удаётся. Но потом... поганое послевкусие пикника в конюшне...

Сколько раз обещал себе – не таскаться по захолустным библиотекам, нет там его читателя-почитателя и быть не может! Но подступало желание... нет, насущная потребность – выложиться, неважно перед кем! Выкрикнуть, прошептать прямо в ухо свои отточенные, выстраданные фразы. И тогда на время отпускает саднящее чувство ожога лёгких, к которому привыкнуть невозможно, а избавиться нет сил.

Кому из докучливых, неистребимых писак ведомо его состояние? Они толкуют о вдохновении, о божественном наитии, готовы завалить своими опусами любого, проявляющего мало-мальский интерес к их занудной писанине. Но ни один из них не способен представить боль и маету от поиска слова – того единственного слова, органичного в пространстве рождаемой фразы.

Вот и мотается он коробейником по ярмаркам «культурной жизни», чтобы разбавить скуку, накопившуюся за неделю в «купи-продай трейд компани», под началом зубастой шуки Кираркадьевны, на счастье, не посчитавшей его карасём. Мотается в свои законные выходные, разбавляя тур-поездки с Аллочкой этими срывами в «петлю Нестерова»...

К окошечку кассы стояла очередь, но Павел Андреевич двинулся в глубину зала, где работали терминалы. Многие его ровесники живут по старинке: кассир, живые деньги, с карты снимут и в кошелёк. У них и телефоны кнопочные, ещё с домашним расстаться не могут, вечера у телевизора, всё лето на даче в садоводстве. Живут прошлым, воспоминаниями, любые новшества встречают в штыки.

А он в свои шестьдесят пять чувствует себя молодым, полным сил и планов, не отстаёт от прогресса, ловит, так сказать, тренд эпохи. Давно освоил Синергию в искусстве – когда взаимодействие разных видов даёт мощный эффект. Конечно, его живопись и фотографии далеки от совершенства, но в сочетании с техникой слова и артистизмом гарантируют воздействие на публику. Лишь бы она была, эта публика...

И за внешностью он следит. Одевается в неброские, цвета «земель», комфортные джемпера и джинсы, с сединой борется восстановительным шампунем, стрижётся в салоне у Макса, к которому ходят артисты из малого оперного. С Аллочкой два-три раза в год совершает вояж за границу.

С женой ему повезло, понимает, всегда на его стороне. Держит уровень на самых ответственных приёмах, симпатична, даже эффектна. Жена для человека с амбициями – атрибут очень важный. Детей, правда, нет, но эту боль они вместе уже пережили, и теперь он даже отчасти рад – не надо Алку ни с кем делить...

Состав уже стоял у платформы, и Павел направился вдоль

вагонов, высматривая, где посвободнее. Он любил старые электрички. Эти вагоны с жёсткими лавками, громыхающими дверями, разношёрстным, дурно одетым людом, странным образом возбуждают камертон замысла. Здесь Павел способен работать. Все его последние, самые выверенные вещи рождались под лязг колёс, тамбурные сквозняки. В «Ласточке» – там другое: шлифовка фраз. Неощутимая скорость экспресса подспудно, без всяких усилий сдирает лишнее, оставляя только суть предмета, его метафизическое эго.

Скинув рюкзачок с плеч, Павел Андреевич расположил его рядом с собой, пресекая возможные попытки подсесть. В рюкзаке – обычный представительский набор: десяток книг для автограф-сессии, пачка распечаток со старыми рассказами, когда он ещё писал «историями», коньяк на случай банкета.

Рассказы – для концовки. Публика неизменно приходит в восторг, получая порцию «движухи», изложенную привычным строем понятных слов. И тогда он на миг почувствует сладкий угар триумфа, услышит щекочущий нервы взрыв аплодисментов.

С последней книгой пока этого не добиться. Кто сейчас ходит в библиотеки? Старичьё, полуглухое, живущее прошлым и не способное понять лаконичную отточенность фразы. Им нужен сюжет, а Соколов уже давно стал противником всяческих сюжетов. С той поездки в Бурятию он осознал тщету слов. Тщету и опасность. И чем их больше, этих слов,

тем опаснее.

В буддийском дацане познакомился с монахом, гецул-ламой Дамба Баято, и Тибетская Книга Мёртвых стала последней книгой, которую он с тех пор прочёл до конца. Являясь, между прочим, членом жюри многочисленных литературных премий, не говоря уже о должности председателя секции. По статусу обязан читать. Но хоть зарежьте его – не может!..

Пожалуй, с лаконичностью в этот раз он перестарался. Лишь получив из типографии две пачки книг «Прямая связь», понял это. Хотя и минимальный формат выбран, но одинокая фраза, несмотря на крупный шрифт, плавает в пустоте страницы. Результат избавления от лишней воды: она окружает.

Запомнить эту мысль...

Видеть и запоминать научила Эсфирь Моисеевна, которая вела литературу в одной из его временных школ, кажется, в крошечном литовском городке Плунге. Очень пожилая, суховатая, седая наполовину: справа до пробора чёрные волосы, слева – серебро. Именно она приучила записывать интересные мысли – из прочитанных книг и свои тоже – в отдельную тетрадочку.

Девчонки в сочинениях щеголяли цитатами, а он решил фиксировать только своё. Тетрадка пропала в одном из переездов, о чём Павел впоследствии сожалел. Ох, как пригодилась бы она сейчас, исписанная его мальчишеским, неров-

ным почерком! Там, там был настоящий, живой источник энергии...

В Союз писателей Соколов попал случайно. Связи сработали и актёрский талант, благодаря которому ему удавались многие роли в постановках судьбы. Как-то встретился Лёха Бурмистров, тот самый, что дал ему прозвище Пашка-сокол. Посидели в Ротонде, вспомнили былые времена, а потом Лёха затащил Павла на свою художественную выставку.

Никаких живописных наклонностей в Академии Бурмистров не проявлял, и вдруг в центральном салоне, под звуки виолончели и приличный фуршет – открывает свой вернисаж. По залу фланирует публика, вспыхивают блицами корреспонденты глянцевого журналов.

Павел тогда всё разом для себя понял и, пока Лёха показывал свои «экспонаты», вспоминая, как нашёл на помойке обломок ворот с надписью «пошли все на...», как «довёл его до ума» с помощью газовой горелки, Соколов уже прикидывал сценарий своего будущего. И от этой внезапно открывшейся перспективы сердце пьяно дубасило в грудь.

Он будто прозрел. Какие-то ржавые ворота – и вот вам: арт-объект! Недавнее быдло при деньгах и связях – нынешний бомонд – клюёт на это, не смея признаться, что ровным счётом ничего не понимает! Дать хлёсткое название, объявить новым течением в искусстве... Ведь именно так возник «Чёрный квадрат» Малевича.

Вот когда пришло его время, где правит трюк и парадокс –

то, что он так ценил в пантомиме. Как жаль, что тело, налитое сытой негой, давно потерявшее лёгкость, больше не способно к куражу... Пустяки, ведь главное в пантомиме – игра в переживания. А это – его стихия. На актёрских курсах никто лучше него не исполнял интермедии «Третий день ни крошки во рту» или «Страшную тайну»...

Под конец вернисажа Лёха познакомил Соколова со своим другом, Витольдом Юрьевичем Бозуновым, председателем Союза Писателей. Расставались уже ночью, в приличном подпитии, но телефонами обменялись и о *главном* порешали. Результатом стал выпуск двух Пашкиных сборников с рассказами, написанными ещё во времена КВН-овской молодости. С ними Витольд и привёл Павла в «свою вотчину», и Соколов стал членом Союза Писателей.

До главного бенефиса оставалось пять лет...

В Питере шёл дождь, по-летнему тёплый. Павел Андреевич нырнул в вестибюль метро. На эскалаторе перед ним стояли парень с девушкой. Он в защитном камуфляже, смотрит только на неё и разговаривает только с ней.

Времена изменились. Где-то там, далеко, гремело, взрывалось, но ему не мешало. Мало ли, где идут войны. Посмотришь новости – как в безумном кино Фрэнсиса Копполы. Взрывы, террористы, захват заложников, беженцы. Главное – его не касается.

Это ты напророчил, говорили коллеги, у тебя вечно то люди проваливаются, то города улетают в небо. Он и сам уже

верил, что может предсказывать будущее.

«И звон в ушах от призрачных сражений», – это из последнего сборника, презентация которого прошла на днях в библиотеке Царского села.

А в глазах людей немой вопрос: и что, это всё?

Хорошо, что не вслух...

Да, времена изменились. Фронт приближался. Не военный – гражданский. Кумиры улетели в Израиль, но книги их, вернее, торговые остатки, ещё лежат на полках, запаянные в целлофан, полузапретные. Власти потихоньку сдают самых болтливых. Закон о врагах народа зреет в гуще народа. Пранкеры Комбриг и Веритас разоблачают отъехавший бомонд, толкая на глупые откровения в видеозвонках от якобы западных политиков...

Соколову эта фантасмагория импонирует безотносительно повода. Розыгрыши он обожал с детства, сам не раз их устраивал. Как тогда, ещё в Академии, на соревнованиях по спортивному ориентированию. Обнаружив «точку» среди густых ёлок и, вылезая из зарослей с компасом в руках, крикнул подбежавшим соперникам: «Точка!». А рукой махнул в другую сторону, направив всю компашку на ложный след. Его команда тогда выиграла, но тот краткий момент блефа был слаще победы...

На Финбане Павел сразу направился в кафе «Экспресс». Здесь варили неплохой кофе, обслуживали быстро и, что приятно, только девушки. Студентки подрабатывают,

из приезжих. До посадки ещё оставалось время, надо заранее перекусить, чтобы к началу выступления голос успел окрепнуть, иначе не избежать досадной хрипоты и сипения. Этому научили актёрские курсы.

«Ласточка» полупустая. Будни, дождь, туристов нет. Павел сел на своё любимое место в конце третьего вагона и достал последние записи. Прочёл, но подсказок не обнаружил. С прошлого года началась эта полоса равнодушия к писательскому делу. Зная по опыту, что насильно музу работать не заставить, решил думать о чём-то приятном. Вот хотя бы про свой главный бенефис, свою самую удачную мистификацию.

Это произошло через пять лет после вступления в Союз. Время шло, а продвижения по службе не предвиделось. В секции прозы, где он состоял, старик Тютюнин председательствовал крепко, не подвинешь. И тогда Соколов придумал под себя новую структуру – секцию фантастики.

Фэнтези, антиутопии, киберпанки, всякая магическая чертовщина – всё это было популярно у молодых писателей и читателей. Авторы повалили, некоторые перешли вместе с ним из затухающей секции прозы.

Витольд Бозунов поддержал. Разглядел Председатель СП в Соколове крепкого организатора. Что интересно, познакомившего их Лёху Бурмистрова Соколов ни разу больше не встречал, а Витольд никогда о нём не упоминал, из чего стало ясно: шапочное у них было знакомство. А значит, сво-

им успехом он Лёхе не обязан. Протекция – двигатель карьеры, это Соколов понимал чётко, никогда не манкировал благодарностью. И сам, как только стал Председателем секции, придерживался этого принципа.

Деньгами не брал, подарками тоже. Ценил только связи и услуги. Витольд продолжал помогать, перевёл к нему от Тютюнина два десятка престарелых домохозяек, пишущих в стиле хоррора на тему ужасов совка, и компанию молодых людей с тёмными кругами вокруг глаз, помешанных на искусственном интеллекте.

А потом пошли весенние и осенние приёмы в Союз, и тогда Павел взял за правило: мариновать кандидата до тех пор, пока не вытянет из него все возможности. Некоторые приходили на заседание секции со своими «наставниками», и тогда у Соколова появлялась очередная публикация в литературном журнале, хвалебные рецензии, видеосъёмка выступлений и прочие карьерные кунштюки.

Приходилось, конечно, и потрудиться. Совсем бездарей принимать нельзя – в будущем аукнется низким рейтингом секции. Курсы писательского мастерства, правка рукописей – не бесплатно, конечно! – доводили произведения соискателя до приемлемого уровня.

Но попадались и таланты, без связей и возможностей. Вот тут и наступало время «Ч». Принять незамедлительно – какой в этом прок? Отказать – пойдёт в секцию прозы, там Фёдор Иванович за перспективного писателя ухватится, да ещё,

пожалуй, Соколову на общем собрании попеняет: что ж ты, брат, не разглядел алмаз среди куриного помёта?

Значит, гения надо доброжелательно обнадёживать, а потом ловко срезать, способы известны. Пусть походит на собрания и на выступления Павла Андреевича, будущего шефа. Хотя бы года три. А то слишком легко статус достанется, не оценит. Ну а если срок выдержал – Соколов и без всякой «благодарности» талантливый примет.

Тут, правда, таилась опасность. Талантливых и смекалистых брать ни в коем случае нельзя – вмиг подсилят. Прощай тогда нагретое, созданное им местечко, где Павел планировал провести остаток жизни. Потому талант должен быть чистый, без ораторской и деловой примеси. Зато у него в руках оказывались судьбы людей, для которых творчество – смысл жизни.

Для Соколова творчество тоже когда-то было смыслом жизни. Ведь только от страшной тоски по пластике, изначальной немоте, говорящему жесту пантомимы, развернуло Павла в литературу, наполненную мегатоннами лишних словес! Зачем они всё это пишут?! Почему я должен читать эти унылые бредни? Ты дай мне несколько фраз, но чтобы они перевернули душу, показали другой мир, изменили меня, сделали лучше, умнее, моложе, в конце концов!..

В таком боевом азарте, агрессивном и бескомпромиссном, Соколов вышел на платформу Выборга. Это состояние накрученности и праведного гнева всегда способствова-

ло успеху выступления. Он знал, что войдёт в библиотеку с вдохновенным лицом, что жесты и мимика создадут безупречную аранжировку его кратким, весомым фразам. Даже если не поймут, азарт и напор оценят. Овации обеспечены. А больше с этих чухонцев и взять нечего.

В Выборге светило солнце. Павел свернул на набережную, дошёл до рыночной площади и вскоре уже открывал массивную дверь библиотеки. До начала мероприятия оставалось десять минут. Он перешагнул порог небольшого зальчика, где обычно проходили его встречи с читателями, и убедился, что зал пуст.

Егор Кольцов, внештатный гид туристического бюро «Викинг», сидел за рулём своего старенького «фольцвагена» и решал вопрос: идти или не идти. Внутренний голос ему подсказывал, что эту дурацкую затею надо бросить, просто выкинуть из головы. Совсем не думать, будто ничего и не было.

В конце концов, сорок лет он прожил без этого, остальные, тем более, проживёт. Официальный статус его не интересует. Даже когда все выпускники Мухинского училища ломанулись в творческие союзы: кто художников, кто дизайнеров или архитекторов, Егору это было безразлично.

Может быть, потому что уже тогда знал, что по специальности работать не будет? Семья решила, что он должен идти по стопам отца, стать архитектором. Будь отец жив, он первый бы сказал, что у сына нет к этому призвания. Но мать твердила про связи, отцовскую память, а сестра Лерка ей подпевала. Что ж, отработал два года в конструкторском бюро и с облегчением оставил чужую колею.

История и литература – вот что всегда интересовало Егора. Особенно история родного города. Он закончил курсы экскурсоводов, но питерскую конкуренцию преодолеть не смог. Вернее, не захотел барахтаться в этом плотном вареже гидов-одиночек. О том, чтобы попасть в штат Бюро

экскурсий, и разговора не было: там всё поделено, и чужих не пускают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.